

«Дух протеста оказался сильнее разумного понимания сложившейся ситуации»

Владислав Панченко рассказал “Ъ”, кто был инициатором переноса выборов

КОММЕРСАНТ, 28.03.2017, 16:49



Председатель совета Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) ВЛАДИСЛАВ ПАНЧЕНКО считался на выборах основным соперником действующего президента РАН. Он широко известен в научных кругах и благодаря грантам РФФИ, и как сотрудник Курчатовского института. Впрочем, это еще не гарантирует голосов — при распределении грантов всегда найдутся недовольные, а президента Курчатовского института Михаила Ковальчука недолюбливает значительная часть академиков. Господин Панченко рассказал “Ъ”, кто из кандидатов первым принял решение выбыть из гонки.

— Когда вы решили баллотироваться в президенты Академии наук?

— По инициативе академика Евгения Павловича Велихова, который сейчас является почетным президентом НИЦ «Курчатовский институт», мы давно обсуждали этот вопрос. Он один из моих учителей. Евгений Павлович уже много лет был обеспокоен судьбой академии и количеством накопившихся там проблем. В конце 2016 года он предложил мне принять участие в выборах президента РАН. В итоге меня выдвинуло кандидатом в президенты отделение нанотехнологий и информационных технологий. Мое выдвижение также было поддержано отделением глобальных проблем и международных отношений РАН.

— Когда у вас возникли претензии к процедуре выборов президента РАН?

— Собственно, после выдвижения я стал внимательно изучать нормативно-правовую базу выборов. Это моя ошибка, наверное, что я заранее не изучил детально всю процедуру. Не думал, что она окажется такой странной.

Сразу выяснилась удивительная вещь: хотя устав РАН утвержден в правительстве РФ, не существует конкретных документов, регламентирующих процедуры избрания президента РАН. В результате этого, в частности, на выборы президента президиум отводил всего четверть одного дня. Вы же понимаете, что это делало полноценные выборы невозможными: за такой срок успеешь только формальные слова произнести и проголосовать безо всякой дискуссии.

— Насколько я понимаю, это было изменено. Выборы должны были длиться чуть ли не целую неделю.

— Это как раз было первое предложение, которое мы направили президиуму. Несколько академиков—членов президиума РАН написали письмо о том, что так выборы проводить невозможно, нужно отвести хотя бы день на обсуждение программ кандидатов.

Но были и другие предложения, с которыми президиум не согласился. Я не профессионал в выборных процедурах, но мне казалась очевидной необходимость многих вещей, которые только укрепили бы доверие к этим выборам. Например, ввести регламенты формирования счетной комиссии и технической подготовки материалов для голосования. Мы просили четко расписать, как и где формируются бюллетени и как обеспечена их защита, как производится подсчет результатов голосования. Просили отказаться от компьютерного подсчета, так как он является очень уязвимым к любому внешнему воздействию.

— А все эти проблемы с выборами обсуждались только между кандидатами и президиумом? Или же они стали предметом более широкой дискуссии в академии?

— Параллельно с выборами президента академии должны были проходить и выборы всех региональных президиумов. И в ходе моего недавнего визита в Сибирь ряд академиков Сибирского отделения РАН поставил перед президиумом отделения вопросы о выборах, большинство из которых совпадали с нашими. Однако руководство отделения не поддержало их обращение перед президиумом РАН.

Я также встречался с членами Уральского отделения РАН, рассказал о своей программе, ответил на большое количество вопросов, выслушал замечания и пожелания. Пользуясь случаем, хотел бы выразить коллегам свою благодарность за полезное обсуждение.

Но некоторые отделения отказались заслушать мою предвыборную программу, так как их бюро ранее приняли решения о выдвижении другого кандидата.

Вместе с академиком А. А. Макаровым мы отправили письмо в адрес президиума РАН, где изложили все выявившиеся проблемы процедуры выборов. Ответа на письмо не получили. Также не могу не отметить, что нас ни разу не пригласили на

заседание президиума РАН. Это лишило нас возможности изложить свою позицию.

— Одна из претензий, высказанных академическим «Клубом 1 июля», касается вашего согласия на участие в выборах. Они говорят: если вам не нравилась процедура выборов, то почему вы в них участвовали? Что вы думаете об этих упреках?

— Я считаю эти заявления не вполне корректными. Они не знают многих факторов и реагируют только на итоговый результат. Создается впечатление, что кандидаты просто решили внезапно сорвать выборы. Но это ведь совсем не так! Проблема давно зрела, давно обсуждалась, да и среди лидеров «Клуба» есть члены президиума, которые прекрасно знали о наших претензиях.

Я бы сказал, что дух протеста в данном случае оказался сильнее разумного понимания сложившейся ситуации. Хотя в «Клуб 1 июля» входит много известных ученых, достойных людей, со многими из них я профессионально работаю, и моя позиция всегда была в том, чтобы сохранить конструктивные отношения.

— Расскажите тогда об этой встрече трех кандидатов, на которой было принято решение о совместном снятии кандидатур. Кто был ее инициатором?

— В первый раз мы встретились только за четыре дня до выборов по инициативе одного из вице-президентов академии. Рассматривались вопросы повестки дня общего собрания. Процедура голосования опять не обсуждалась. Уже тогда стало окончательно ясно, что вопросы о прозрачности выборов обязательно будут заданы, а ответов на них у президиума нет.

В итоге в последний день перед выборами академик Фортов встретился с нами, сказал, что провел ряд консультаций, по итогам которых он решил снять свою кандидатуру с выборов.

Поскольку наши предложения по процедуре проведения выборов не были приняты, оставалось много вопросов о прозрачности этих процедур. Стало ясно, что собрание необходимо перенести.

После этого мы обсудили сложившуюся ситуацию уже расширенным составом, вместе с несколькими вице-президентами и членами президиума. В результате обсуждения наша точка зрения была поддержана и общая позиция трех кандидатов сформулирована в письме, которое в понедельник главный секретарь РАН академик Михаил Пальцев огласил перед участниками общего собрания: «Это первые выборы, проходящие в завершающий период государственной реформы РАН. В процессе подготовки к ним члены академии неоднократно обращали внимание на неурегулированность в полном объеме ряда процедурных вопросов. Все это может поставить под сомнение результаты грядущих выборов...»

— После этого академия проголосовала за перенос выборов на полгода. За это время должна быть разработана новая процедура выборов. Кто будет этим заниматься?

— Сейчас и. о. президента РАН стал академик Валерий Козлов, мы договорились встретиться в ближайшее время и обсудить этот вопрос. Он человек конструктивный, известный ученый. Думаю, было бы уместно создать рабочую группу, которая могла бы еще раз проанализировать все накопившиеся предложения.

— А вы планируете выдвигать свою кандидатуру на этих осенних выборах?

— Честно говоря, я пока не готов ответить на этот вопрос. Конечно, я продолжаю думать, что нужна кардинальная перестройка в Академии наук. Сейчас академия проходит некую точку бифуркации, и от того, как все сложится, зависит сценарий ее будущего развития. Это период поиска новых форм работы, структурной оптимизации и адаптации к возросшим требованиям государственной власти.

— Не могу не задать вопрос о президенте Курчатовского института Михаиле Ковальчуке. Во время предвыборной кампании многие академики называли вас «человеком Ковальчука», утверждая, что в случае вашего избрания реальная власть в академии будет у него. Что бы вы им ответили?

— Более десяти лет назад Евгений Павлович Велихов пригласил меня возглавить Институт молекулярной физики Курчатовского института. Одна из проблем, решение которой мне было поручено, связана с развитием лазерных методов разделения изотопов для приложения в фундаментальных исследованиях и в ядерной медицине. Практически в это же время

Е. П. Велихов пригласил в Курчатовский институт М. В. Ковальчука, который возглавил Институт по изучению синхротронного излучения.

В настоящее время в Курчатовском институте я являюсь научным руководителем нескольких проектов. В частности, занимаюсь созданием установок по сверхсильным оптическим полям, это одно из шести направлений, утвержденных президентом РФ как направление megascience.

Курчатовский институт — это огромная организация. Там реализуются крупные исследовательские проекты, национальные программы, развиваются новые философские парадигмы. Наверное, про любого сотрудника можно сказать, что он человек своего начальника. Но ситуация не так примитивна, как ее воспринимают некоторые люди в силу тех или иных причин, связанных с персональным отношением к М. В. Ковальчуку. Да, я уже десять лет работаю в Курчатовском институте, руковожу рядом направлений, обсуждаю рабочие вопросы с Е. П. Велиховым, с М. В. Ковальчуком и другими сотрудниками НИЦ КИ—членами РАН. Так что, отвечая на ваш вопрос, реально власть должна быть у вновь избранного президента РАН.

— Какой вы видите Академию наук?

— Российская академия наук должна взять на себя функции ключевого партнера государственной власти в реализации Стратегии научно-технологического развития РФ.

Ведь именно Академия создает вектор развития современной фундаментальной науки, промышленности, медицины, сельского хозяйства, образования, перспективной военной техники. Мы должны ответить на вопрос: «С кем государева академия?»

Должен быть прямой, ясный контакт с высшей властью, с президентом страны, должно быть понимание того, что нужно стране сейчас, в сложившейся ситуации. 300 лет назад эту академию создал Петр I, и так было на протяжении всей истории Российской академии наук.

Надо понимать, какие программы мы должны сформулировать для государства, которые смогли бы решить социально-экономические проблемы сегодняшнего и завтрашнего дня. Но для этого мы должны сохранить ту свободу, дух творчества, без которых невозможно развитие науки. Это очень тонкая грань, по которой идут многие страны, и довольно неплохо идут, развивая и финансируя на государственном уровне масштабные программы фундаментальных исследований и технологических прорывов.

Самое главное, на мой взгляд, что академия должна занимать очень активную позицию и стать верховным экспертом в оценках программ и проектов, возможность финансирования которых рассматривается государством. РАН должна стать одним из мировых центров экспертизы глобальных рисков планетарного и цивилизационного масштабов. Анализ и прогнозирование процессов развития глобальной техносферы, ее влияния на материальную и духовную жизнь населения Земли и образующих его социумов потребуют от РАН новых подходов к международному научному сотрудничеству, взаимодействию с зарубежными научными центрами и симметричной интеграции естественнонаучного и гуманитарного сегментов самой академии.

Главные новости от «Ъ» вы можете получать на [e-mail](#)